

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Нас много.....	13
Часть вторая. Стороны.....	91
Часть третья. Буря	223
Часть четвертая. Жертва	285

«Когда меня спрашивают, сколько всего существует демонов, я отвечаю словами, однажды слышанными от самого демона: „Нас так много, что если бы мы были видимыми, то затмили бы солнце“».

*Отец Габриэле Аморт,
главный экзорцист Ватикана*

«Я лишь человек, а не герой,
Лишь мальчик, который должен был петь эту
песню».

My Chemical Romance

Долина Харрис, Пенсильвания, 1898
Полночь

Приглушенный стук колес фургона пробуждает меня от неглубокого сна.

За окном, в темноте, цоканье и тяжелое дыхание лошадей. Грохочущий фургон подъезжает ближе к дому, потом замедляется и останавливается. Громкие мужские голоса сходятся вместе, потом расходятся в разные стороны. Разочарование скрыто за весельем и выпивкой. Я слышу мать на кухне, мое внимание разделяется. Я отбрасываю одеяло и босиком подбегаю к окну. Через тонкое стекло чувствуется холодный воздух, и я начинаю дрожать. В узком переулке стоит размытый силуэт отца с поднятой кверху рукой. Он кричит, в ответ слышатся удаляющиеся голоса. Опускает руку. Идет в сторону дома, спотыкается, но удерживается на ногах. В руках он держит ружье, чье длинное черное дуло указывает на небо. Из кухни слышится стук горшков, и я подбегаю

Филип Фракасси. МАЛЬЧИКИ В ДОЛИНЕ

к двери, отделяющей мою комнату от гостиной, столовой и кухни. Весь наш мир состоит из трех комнат и пары пристроек, мир, заключенный в каркас из деревянных досок и согретый ржавой чугунной печкой, которая поглощает уголь быстрее, чем мы успеваем его подбрасывать.

Мне повезло, что у меня есть своя комната, пусть и крошечная. Хотя я еще маленький, ни в длину, ни в ширину мне не сделать и трех шагов. Отец называет меня коротышкой, но мать говорит, что девятилетний мальчик еще успеет вырасти. Надеюсь, когда-нибудь я вырасту большой, но не настолько большой, чтобы не поместиться в своей комнате. Я ее очень люблю.

Теперь мне лучше видно, потому что мама зажгла лампы на кухне. Между дверью моей спальни и косяком можно просунуть палец, поэтому свет с легкостью проникает сюда, ложится на темные стены и прогоняет тени, скопившиеся в углах и под кроватью. Я тихо подхожу к двери — им лучше не знать, что я не сплю, — и заглядываю в щель. Если повернуть голову, то можно увидеть всю кухню и обеденный стол в столовой, и, пожалуй, все. На мне только длинные кальсоны, и я замерз, но мне хочется услышать о поездке отца. Мать зажгла печку, и я чувствую запах лукового супа, который она достала из ледника. Она ставит чайник на огонь, чтобы сварить кофе. Отец с грохотом захлопывает входную дверь, весь дом содрогается. Мать вытирает руки о фартук, словно отжимает его. Она всегда так делает, когда расстроена.

Отец входит в поле моего зрения, я вижу только его бороду и поношенную кожаную куртку. На черной шевелюре нахлобучена выдавшая виды ковбойская шляпа. Он пододвигает стул и тяжело на него садится. Приклад ружья с глухим звуком ударяется об пол, и отец смотрит на свой старый винчестер, словно хочет, чтобы тот заговорил.

— Ничего? — спрашивает мать. — Совсем ничего?

Отец ждет, что ответит ружье, но оно молчит.

— Налей мне, что там у тебя в горшке, Сисси. И кофе дай.

— Греется, — отвечает она, помешивая. Мать не сводит глаз с печки и старается не смотреть на отца. — Ты пил сегодня.

Я внимательно смотрю на него, пытаюсь увидеть признаки алкогольного опьянения. Интересно, что такого увидела мать, чтобы сделать этот вывод. Но отец выглядит как обычно — уставшим и обиженным.

— Шериф палит по браконьерам. Земля совсем сухая.

Отец качает головой. Он снимает шляпу и кладет ее на стол, не выпуская ружья.

Я хочу открыть дверь и подойти к нему. Сесть рядом и поговорить как мужчина с мужчиной, о шерифе и земле.

Чайник начинает свистеть.

— Что же нам делать, Джек? У нас есть овощи с огорода, но нам нужно мясо. Зима близко.

Отец запускает ладонь в свои длинные волосы.

Филип Фракасси. МАЛЬЧИКИ В ДОЛИНЕ

— Пожалуйста... — говорит он, и я дрожу не только от холода, но и от звука его голоса. — Сисси, заткнись. Заткнись и налей мне кофе.

Я хочу, чтобы мать перестала. Чтобы оставила его в покое. Она знает, какой он. На мгновение я закрываю глаза в беззвучной молитве. Потом продолжаю наблюдать.

Чайник пронзительно свистит, и я знаю, что если бы я не проснулся раньше, то этот звук меня бы разбудил. Дом наполнился визгом вырывающегося пара.

— Все понятно... — говорит мать. — Ты два дня пропадал со своими приятелями, пил и бог знает чем еще занимался. А мы здесь с Питером голодали. Голодали!

Она выкрикивает последнее слово ему в лицо, и я вижу, как отец краснеет. Он крепко зажмуривается, потом широко открывает глаза.

— Заткни свой проклятый рот! — орет он, в свете лампы слюна разлетается мельчайшим дождем. — Заткнись. Заткнись. Заткнись!

— Ты ужасный человек, Джек! Питера разбудишь...

Отец с силой ударяет рукой по столешнице. Мать понимает, что зашла слишком далеко и вывела его из себя, снимает чайник с печки и наливает кофе в стоящую рядом кружку. Чайник продолжает осуждающе свистеть.

— Ты неудачник, — говорит она. — Как смеешь ты ругаться в моем доме? Поминать имя Господа всуе?

Он что-то бормочет. Возможно, «хватит», но я не могу разобрать слов. Я знаю, что он расстроен. Я никогда не видел его в таком состоянии. Его лицо окаменело, глаза похожи на черные жемчужины.

Мать подносит кружку с кофе к столу. Ее губы тонкие, как шнурок.

— Какой из тебя муж? — говорит она. — Ты даже не мужчина!

Он поворачивается, чтобы ответить, как раз в ту секунду, когда она ставит кофе на стол. Он выбивает локтем кружку из ее руки, и горячий кофе заливает его колени.

Отец кричит от боли и вскакивает на ноги. Стул с грохотом падает на пол, и мать пятится назад, подняв руки в мольбе. Перепуганная, она не перестает извиняться.

— Хватит, — говорит он.

Я наблюдаю за тем, как отец ловким и привычным жестом скидывает ружье и с ужасающей легкостью взводит курок.

Мать пытается закрыться руками:

— Господи Иисусе!

Воздух содрогаются от выстрела.

Мать отлетает назад, словно ее схватила невидимая рука Господа. Она с силой ударяется о печку. Дверца распаивается, и из нее вылетают угольки, словно горящие души грешников. Лампа слетает с крюка и падает на пол, пылающее масло разливается по половицам и попадает на стену. Огонь перепрыгивает на тонкие занавески.

Какое-то мгновение кажется, что время остановилось. Потом отец начинает выть.

Филип Фракасси. МАЛЬЧИКИ В ДОЛИНЕ

— О, Сисси! — Он закрывает свой рот грязной рукой, а в комнате становится все светлее. — Черт побери, Сисси!

Он опускается на колени рядом с ней и всхлипывает.

Горячая жидкость стекает у меня по ноге, я опускаю глаза и вижу лужу на полу. Когда я снова смотрю в щель, отец опять сидит за столом.

Одна стена объята пламенем, черный дым собирается под потолком, словно грозовые облака.

Отец поворачивает голову к моей двери, и на мгновение наши глаза встречаются. Могу представить, что он сейчас видит. Осколок сына. Яркий глаз во тьме, свидетель его прегрешений.

Отец задерживает взгляд на мне. Я внимательно смотрю на него. Глаза, полные слез, и взъерошенные волосы. Всклобоченная борода. Лицо, мокрое от пота, красное от отблесков пламени. Он отворачивается и смотрит на мать.

Больше он на меня не взглянет.

Я хочу закричать и броситься к нему.

Зубы у меня стучат. Я начинаю стонать и не могу остановиться.

Я не могу шелохнуться. Не могу дышать.

Я могу только наблюдать.

Он медленно взводит курок винчестера — того самого, из которого он учил меня стрелять прошлым летом, — и зажимает приклад между коленей. Тусклое дуло упирается ему в подбородок.

Во мне что-то просыпается, и в последний момент я закрываю глаза.

Этот выстрел звучит глуше, чем первый.

Отрывисто и тяжело дыша, я открываю дверь и дерзко осматриваю мизансцену.

На мгновение я вижу себя со стороны — худенькая тень в мокрых штанах и с залитым слезами лицом, дрожащая перед огнедышащим драконом.

Я вижу лишь смерть, кровь и пламя.

Весь мой мир объят огнем.